

Палитра цветов

Эти своеобразные работы я увидела в Новокузнецком музее советского изобразительного искусства на выставке, приуроченной ко второму городскому фестивалю народного творчества. Картины были «писаны» тополиным пухом, высохшими лепестками цветов, листьями, стебельками трав. Автор этих необычных работ — Елена Васильевна Романенко.

Увлечение флористикой у Елены Васильевны давнее. Тридцать с лишним лет проработала она в Западно-Сибирском геологическом производственном объединении «Запсибгеология» в палеонтологической партии. «В геологию меня втянул муж, Михаил Федорович Романенко, сегодня всецело посвятивший себя охране окружающей среды, — рассказывает моя собеседница.

— По специальности я биолог, пришлось сменить профессию. Закончив Киевский университет, мы вместе с мужем приехали в Сибирь».

После степной Украины сибирская тайга, Горный Алтай покорили их воображение. Им понравились эти края, чудесная сибирская природа, люди, увлекла работа. Она была у них особой — они изучали вымерший мир.

Палеонтологам поручали исследование ископаемых остатков организмов и вмещающие их морские отложения, которые образовались на территории Горного Алтая в кембрийский период. «Возьмешь иную ракушку, и не верится, что ей около пятисот миллионов лет».

Предметы их изучения когда-то были живыми существами: плавали, ползали, боролись за свое существование, давали начало новой жизни. Работали палеонтологи увлеченно. Надо сказать, что попали молодые супруги в коллектив энтузиастов, беззаветно преданных своему делу, которые выполняли очень серьезные большие работы под руководством известных в объединении геологов С. Г. Гореловой, а затем А. Г. Пospelова.

Многие полагали, что в Сибири чета Романенко не задержится, отработает положенные три года и уедет обратно в свою солнечную Украину. Но они и не думали расставаться с Новокузнецком. А вскоре привезли сюда и своих родителей, познакоми-

мили их с друзьями, знакомыми. Дом Романенко всегда был полон друзей.

Вообще ей в жизни, считает Елена Васильевна, очень везло на встречи с интересными людьми. Эти привязанности оставались надолго. До сих пор ведет переписку со своими школьными подругами. «И даже друзья моих родителей мне пишут», — говорит Елена Васильевна.

В этом доме бережно хранят письма, открытки, дневники родителей. Эти документы необычны, и сегодня они вызывают особый интерес. Елена Васильевна извлекает из папки пожелтевшие листки — разрешение на обыск и на арест отца Елены Васильевны — Василия Васильевича Шаркевича, переписку ее матери Натальи Ивановны с органами НКВД по поводу необоснованного ареста мужа, сосланного в Сибирь на двадцать лет. Так что впервые о Сибири Елена Васильевна услышала от отца.

Свой арест Василий Васильевич, изумительный рассказчик, музыкант, актер-любитель, считал недоразумением. В Ильинцах Винницкой области, известных тем, что здесь находился дом декабриста Пестеля, он вместе с женой Натальей Ивановной были в числе первых комсомольцев, первых активистов.

Арестовали его в 1938 году, и Елене Васильевне пришлось на себе познать, что такое семья «врага народа»: мать сразу же лишилась работы, их выселили с пружней квартиры, Елену стали бойкотировать и избегать сверстники. До сих пор Елена Васильевна переписывается со своей сверстницей — бывшей подружкой, у которой в те годы также забрали отца.

Мать не теряла надежды и писала, писала... Ее вызывали, угрожали. Но она не сломалась: она настаивала на том, что ее муж невиновен. В свою очередь писал и отец.

И когда его реабилитировали перед войной, он полагал, что это — результат его писем. Но каково же было его удивление, когда вместе с одеждой ему возвратили и огромную пачку писем, которые он посылал в вышестоящие инстанции. Только настойчивость жены вырвала его из лагерей.

Наталья Ивановна вообще была оптимистом, несколько даже восторженным человеком, она часто повторяла дочери: «В каждом человеке есть хорошее и плохое. Старайся больше обращать внимания на хорошее».

Елена Васильевна достает письма отца, присланные тогда на Украину из далекой и суровой Сибири. Поначалу это были записочки на папиросной бумаге, затем — исписанные тетрадные листки. Писал он каждый день, и чтобы не сбиться со счета, каждое письмо помечал цифрой: «... Духом я еще не падал и не думаю. Работаю честно и добросовестно, так же, как работал на воле. Работаю по-ударному и, пока буду здоров, из рядов ударников не выйду. Потому что, где бы я ни находился — на воле или в заключении — я знаю только одно, что я — гражданин Великой Совет-

ской Родины, и мой труд должен дать максимум пользы для моей страны. А то, что я сейчас нахожусь в заключении, то я это считаю просто роковым и досадным недоразумением, которое должно быть устранено... Норильск. 23/VIII 1940 г.»

Потом он рассказывал, какие словесные баталии они, «старые» большевики, вели с «троцкистами», сидевшими в тех же лагерях. Дело доходило иной раз до рукопашной. Так что их приходилось расселять в разные бараки...

Что самое удивительное: в своих письмах он не только не терял веры, оптимизма, его не покидало и восторженное восприятие мира. Особо хорошо он описывает сибирскую природу. «Кто хоть раз видел природу Сибири, его всегда будет тянуть в Сибирь», — говорил он.

И, наконец, от него приходят такие строки: «Вы можете себе представить, как меня взволновало ваше известие о том, что наш справедливый советский суд разобрался в этой жуткой путанице, подлой клевете, злой выдумке и лжи, из-за которой я переживаю сейчас столько горя!..»

Он был реабилитирован, и

сразу же из лагерей ушел на фронт — началась война. Ушел, не повидав ни жены, ни дочери. Из четырнадцати человек, их земляков, необоснованно обвиненных и сосланных в лагеря, назад удалось возвратиться только четверым, которые вскоре умерли. Судьба остальных неизвестна.

Василий Васильевич и Наталья Ивановна, несмотря на пережитое, охотно приехали к дочери в Сибирь. Василий Васильевич писал музыку, играл на всех струнных инструментах. Однажды он сделал гитару с двумя грифами. Одно время даже руководил оркестром народных инструментов у геологов города. Этого высокого, сохранившего до старости стройность человека, неутомимого рассказчика знали старожилы города. Это он учил дочь внимательно вглядываться в природу, любить ее.

Этим был предопределен и выбор ее будущей специальности.

...Елена Васильевна перебирает фотографии, привезенные из экспедиции. Вот озеро Чей-бек-коль на юго-востоке Алтая. В озере чистейшая вода, но совершенно нет живых организмов. А вот озеро «Горных духов», окруженное горами, где рождаются туманы причудливой формы и причудливой окраски. Из экспедиций они привозили не только фотоснимки, но и цветы, из которых она, высушив их, составляла композиции. «Когда я сажусь с ними работать, я не замечаю времени. Цветы создают настроение. Более того, мои композиции из цветов — своеобразный дневник настроения», — говорит она.

«Эдельвейсы», «Маки Казахстана», «Ночные бабочки», «Осенние мотивы»... Ее работы на выставке обращают на себя внимание. И она не только флорист. Она рисует, вышивает. Интересна и своеобразна ее вышивка, представленная на выставке. «Когда-то мне пророчили судьбу художницы, но я не жалею, что не стала профессионалом. Я стала геологом и прожила очень интересную насыщенную жизнь».

Сегодня Романенко считают себя сибиряками. Здесь они стали высококвалифицированными специалистами, здесь они защитили кандидатские диссертации, здесь вырастили двух сыновей. С Сибирью связаны у этой семьи и горькие, и светлые минуты жизни.

Т. ШИПИЛОВА.

На снимке В. Волченкова Е. В. РОМАНЕНКО со своими работами.